Кострюк (14)

Олонецкой губернии.

Как у нас было на матушки на святой Руси,
На святой Руси, да в каменной Москвы,
Государь Грозной царь Иван Васильевич
Не похоте́л жаниться в каменно́й Москвы,
А по́хотел жаниться в погано́й Литвы
У того Кострюка да у Демрюковича,
У того Кострюка да у черкасовина.
Оны съездили то в погану́ Литву,
Подымали то Марью Демрюковну.
Он брал-то в приданое триста татаринов,
Он брал-то в приданое триста поганыих,
Он брал-то в приданое любезного шурина,
Кострюка да Демрюковича,
Съ:на он брал да черкасовина;
Приезжали оны в каменну́ Москву,
Принимали с Марьей по злату венцу.
Заводился у царя да почестен пир,
На мно́гих князе́й да на бо́яров,
На сильниих могучиих бога́тырей.
На всех поляниц да на удалыих
И на всех гостей да приходящиих.
Как пир у них идет да на ве́сели,
День-то идет да ко ве́черу,
Красно солнышко идет да ко за́паду;
Как все тут на пиру напивалиси,
И все тут на пиру наедалиси,
И все на пиру пьяны-ве́селы сидят.
Как сидит тут государев шурин
Кострюк да он Демрюкович,
Сын-то он да видь черкасовин,
Он не ест, не пьет Кострюк, да он не кушаёт,
Белой лебедушки Кострюк да он не рушаёт,
Белым сахаром Кострюк да не закусываёт.

Тут подходит к нему государь Грозной царь Иван Васильевич,
Сам он говорит да таково́ слово:
«Ай же шурин мой любезной,
Кострюк да Демрюкович,
Ты почто не ешь, не пьешь, да ты не кушаёшь,
Белой лебедушки, Кострюк, да ты не рушаёшь,
Белым сахаром, Кострюк, да не закусываёшь?
Или место тебе да не по́люби,
Али чаркой тебя да поо́бнесли,
Аль невежда над тобой да насмеялась де?»
Тут ответ держал Кострюк да он Демрюкович
Сын-то он, держал, да видь черкасовин:
«Ай же ты, государь, Грозной царь Иван Васильевич,
Да место-то мне видь по́люби,
И чаркою меня да не о́бнесли,
И никто надо мной не насмеялся де,
А я-то не ем, не пью, да ведь не кушаю,
Думу я думаю крепкую:
Есть ли то у вас да в Москвы борцы молодцы
Со мной Кострюком поборотися,
Со мной Кострюком поводитися,
Этыя си́лки отведати,
А царя припотешить Ивана Васильевича;
Я триста борцов победил,
Пятьдесят городов под себя покорил,
А когда московскиих борцов поборю,
Тогда каменну́ Москву́ я под себя возьму».
Как тут ли государь Грозной царь Иван Васильевич
Говорит-то он да таково́ слово:
«Ай же ты, Никита Романович,
Ты выдь-ко на крыльцо да на красное,
Закрычи-тко ты во всю голову,
Штобы слышно было на всю Москву:
Есть ли у нас да в Москвы борцы,
Есть ли у нас да в Москвы молодцы,
С Кострюком поборотися,
С Кострюком поводитися,
С государевым шурином,
Этыя силки отведати,

А царя припотешить Ивана Васильевича».
Как по грехам сочинилосе
И в Москвы борцов не пригодилосе,
Как только случилосе, как только пригодилосе,
Два брата Ондреевичи:
Один Васенька маленькой,
Да Обросинька хро́менькой.
Как Васенька бежит-то поскакивает,
А Обросинька с ножки на ножку припадывает.
Прибежали оны на царськой двор
И расскочились оны да по царському двору,
Самы говорят да таково́ слово:
«Здравствуй старшой князь, да Никита Романович,
Сметь ли нам поборотися,
Да сметь ли нам поводитися
С государевым шурином,
С Кострюком да Демрюковичем
С сыном-то да черкасовином;
Но не будем ли в опёне великие,
Но не будем ли в опале во царские?
Но на том мы и боротца пойдем:
Кто кого поборет, с подборотнего платье снять
И нагого по двору́ опустить,
По двору да по царському, по крыльцу да по красному».
Как тут Никита Романович
Приходит во палаты белокаменны,
Сам он говорит да таково́ слово:
«Как хлеб-соль на́ столи
И Бог на́ стены,
А у нас борцы на́ двори».
Как тут ли Кострюк да Демрюкович
Он с тоя со великие радости
Он повскочил из-за́ стола дубового
И он пнул ногой в ска́мейку кленовую,
Он тридцать победил да татаринов,
Тридцать победил да поганыих.
«Буди про́клят ты, Кострюк да Демрюкович!
Как бы тебе туда на двор идти,
А оттуда бы тебе со двора не придти!»

Тут повыскочил Кострюк на широкой двор.
Говорит тут Обросинька хроменькой:
«Не хочу я с Кострюком-то боротися,
Да не хочу я с Кострюком-то и водитися,
И не хочу я с Кострюком-то и рук марать»;
А говорит тут Васенька маленькой:
«Ну я по́йду с Кострюком-то боротися,
И я по́йду с Кострюком-то поводитися,
Этыя силки огведати,
А царя припотешити, Ивана Васильевича;
Но не буду ли я в опёне великие,
И не буду ли я в опале во царские?
Но на том я и боротца пойду:
Кто кого поборе, с подборотнего платье снять
И нагово по двору опустить».
Говорит тут Никита Романович:
«Ай же ты, Васенька маленькой.
Если Бог тебе пособит Кострюка побороть,
Смело с его платье снимай
И нагово по двору опущай,
И не будешь ты в опёне великие,
И не будешь ты в опале во царские».
Как тут был Кострюк на́ ногах,
Очудился Кострюк на буйно́й голо́вы;
На попутье Вася платье снял
И нагово по двору́ опустил.
Не побежал Кострюк по крыльцу по красному,
А побежал Кострюк под крыльцо под красное.
Как выходит тут царица государыня,
Марья она да Демрюковна,
Сама-то говорит да таково́ слово:
«А что у вас за ве́ра в каменной Москвы:
Кто кого поборе, с подборотнего платье снять
И нагово по двору опустить!»
И говорит тут Никита Романович:
«Ай же ты, царица государыня,
Марья ты да Демрюковна,
Ну на то у нас и боротца пойдено:
Кто кого поборе, с подборотнего платье снять

И нагово по дворý опустить».
Как тут стыдно было жить Кострюку в каменнóй Москвы,
Уехал Кострюк во свою землю,
Во свою землю́ и в поганý Литву.
Тут век про Кострюка да старину поют,
Синéму морю на утúшенье,
Вам всим добрым мóлодцам на послýшанье.

(Записана Ф. М. Истоминым в 1886 г. в Космозерском погосте, Петрозаводского у. Олонецкой губ. Напечатана им в сборнике «Песни русского народа, собран. в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г.». Записал слова Ф. М. Истомин. Напевы Г. О. Дютш, под № 5, стр. 42-46)

В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI-XVII вв., Петроград, 1915.